

К вопросу о явлении ресентимента в СССР на примере отдельной субэтнической группы «сахалинских» корейцев

Неклюдов Егор

Владивостокский Государственный Университет (ВВГУ), 4 курс, Владивосток, Россия

Ким Александр Алексеевич

Владивостокский Государственный университет

Впервые природу ресентимента раскрыл немецкий философ, Фридрих Ницше, в 19 веке. В своей книге «Восстание рабов» Ницше исследовал феномен ресентимента (от фр. *ressentiment* «озлобление, злопамятность, зависть») как фактора развития общественных и политических процессов. Для Ницше ресентимент – негативное чувство, возникшее из глубокой несправедливости, но отличающееся от гнева. Гнев обычно проявляется в акте непосредственной агрессии или агрессивного насилия, тогда как ресентимент проявляется как затаенная ненависть и желание отомстить посредством манипуляций или активной виктимности. Иными словами, ресентимент возникает только у тех, кто считает себя жертвой притеснения или исторической несправедливости [6].

Для Ницше ресентимент является губительным чувством, которое тормозит индивида и препятствует осуществлению своих целей, что также успешно ретранслируется на общественную, политическую или иную группу индивидов, имеющую совместный ресентимент. Люди, поглощённые ресентиментом, склонны жить в состоянии злобы, обиды и других негативных чувств, позволяя недовольствам детерминировать свою жизнь. Они склонны уничтожать достижения и благосостояние других, находясь в поисках утешения собственного чувства морального превосходства. Философия Ницше шла в широком комплексе других

прогрессивных идей Европы, создавших основу глобализма и феномена европеизации [7].

На современном этапе, геополитические и социокультурные противостояния описываются тактикой, проанализированной социологами Брэдли Кэмпбеллом и Джейсоном Мэннингом, когда сторона или группа, подвергшаяся ущемлению или агрессивному насилию обращается за союзом к третьим сторонам. Наблюдается недвусмысленная связь между конфликтами, питаемыми рессентиментом, и переломными моральными изменениями, что сопровождается рождением культуры виктимности, противоречащей более старым системам ценностей, основанным на культуре чести и культуре достоинства, которые в свою очередь оказываются вытесненными [9;10].

Культура чести, часто называемая культурой чести и стыда, характерна для Американского Запада или Европы в период времени, когда дуэли были повседневной практикой. В такой культуре, значимость чести является первостепенной, и когда она подвергается унижению, оскорбленная сторона принимает прямые меры в ответ. Используются механизмы, включающие кровную месть, для разрешения споров. Жертвы в культуре чести обладают низким моральным статусом [10].

В работе Брэдли Кэмпбелла и Джейсона Мэннинга описывается культура чести и стыда как культура, которая заменяется в современных западных обществах XIX-XX веков культурой достоинства, которая подразумевает, что каждый человек обладает достоинством независимо от того готов ли он отстаивать его с оружием в руках. Культура достоинства отличается отсутствием чувствительности к оскорблениям, по этой доктрине никакие слова не способны лишить индивида его достоинства. Вместо этого, «в случае крайней необходимости, культура достоинства предписывает использование ненасильственных, прямых мер по разрешению конфликтов, обращаясь в суды, полицию и прочие институты». Резюмируя, на смену кодексам чести, постулирующим защиту собственной репутации как благо, а стыд и жертвенность как зло, пришла культура достоинства, возвышающая универсальные человеческие ценности, включая право на жизнь, свободу и разум, присущие столь же «универсальному» человеку [10].

В XIX веке эти ценности наткнулись на противодействие со стороны консервативного немецкого романтизма. Романтический идеал провозглашал

обратное: существуют разные народы, которым присуща уникальная культура и дух. Сторонники просвещения, преимущественно французские, противостояли традиционным воззрениям о том, что человека определяет его место рождения и расположение в общественной иерархии. «Люди создают себя сами», если вкратце описывать позицию сторонников просвещения. В это же время, сторонники романтизма, в лице французского философа Жозефа Де Местра утверждали: «Нет такой вещи как просто человек, я видел французов, итальянцев и русских, но никогда не встречал человека». «Нация – это душа, духовный принцип» – уже в конце XIX века постулировал Эрнест Ренан [8].

На романтическое распределение по национальным типам наложилась антропология того времени с ярко выраженным расизмом. В сущности, это была старая идея, что место каждого человека в мире определяется его происхождением. Если до этого человек рождался и умирал в своём сословии, то теперь ему всю жизнь суждено было быть представителем некоей национальной «породы», навязанной социумом, и что серьезнее – государством [8].

В XX веке Германия в Европе, Японская Империя в Азии мыслили в той же парадигме. Японское правительство противопоставляло «превосходящую японскую идентичность» универсальным «западным» ценностям, и «варварской» культуре материковой Азии. Японская империя провозгласила себя расой Ямато, которая, встав в центре, формировала вокруг себя Великую Восточно-Азиатскую Сферу Сопроцветания из более низших в иерархии наций [11].

Одной из жертв Японской Империи оказался корейский народ, населявший территорию Государства Чосон, захваченное Японией в начале XX века. Корейцы стали первым покорённым Японией материковым народом. В последствии началась активная трудовая эксплуатация покорённого населения. Именно геноцидальные действия, нарушавшие любые принципы культуры достоинства, привели корейскую нацию к упадку и внутреннему разделению, к слову, не только Япония поспособствовала этому разделению, но и во многом политика СССР в отношении корейцев. Япония во многом придерживалась культуры чести, которая зародилась абсолютно самобытно, ей была свойственная жестокость и моральная установка о чести, определявшая насильственные методы решения всех национальных обид. Несмотря на произошедшую европеизацию во времена эпохи Мэйдзи, Япония обошла культурную модернизацию, законсервировав свои феодальные моральные

устои, которым свойственна культура чести [11].

Возвращаясь к разделенной корейской нации, уже отмечается серьезная историческая основа для появления глубокого национального ressentимента, который больше всего проявляется у корейского субэтнуса «сахалинских» корейцев. Это достаточно малая этническая группа, обладающая очень трагичной историей. Формирование идентичности началось с трудовой миграции корейской диаспоры в составе Японской Империи из Кореи в префектуру Карафутто (Южный Сахалин) [1].

С начала 1910-х годов корпорация «Мицуи Майнинг Ко.» стала активно приглашать корейцев для работы в угольных шахтах, которые находились на южной части острова, в г. Тоёхара (ныне г. Южно-Сахалинск). Процесс набора рабочей силы выглядел следующим образом. В 1917 году управление шахты г. Каваками (ныне г. Синегорск), принадлежащей компании «Мицуи», получило разрешение от генерал-губернаторства Кореи на прием корейцев на работу. После этого представители компании приступили к набору корейских рабочих в городе Синийчжу (Корея). Рабочий контракт заключался на срок от полутора лет и предусматривал оплату транспортных расходов. Заработная плата для всех рабочих (японцев, корейцев и китайцев) в городе Тойохара (ныне г. Южно-Сахалинск) составляла 2,5 иены в день, в то время как в городе Отомари (ныне г. Корсаков) японцы получали также 2,5 иены, а корейцы – 2 иены в день [1]. Следует отметить, что в то время средняя оплата квалифицированных рабочих в Корее составляла 15-20 иен в месяц, поэтому с финансовой точки зрения эти условия были довольно привлекательными. Работодатели предпочитали выбирать в основном холостых мужчин [1].

Было много случаев переселения на Сахалин корейцев, проживающих на Дальнем Востоке СССР, преимущественно из Приморья. Это стало возможным благодаря нестабильности 1920-х годов в Советском Союзе, а также благодаря временной оккупации Северного Сахалина Японией. За 15 лет с 1915 г. до 1930 г. численность корейцев в префектуре Карафутто увеличилась с 3206 до 8301 человек соответственно [1]. Относительно переселения из Кореи, важно отметить, что южная часть Кореи в то время оставалась в основном аграрной, в отличие от промышленной северной части страны, поэтому японские компании на Карафутто предпочитали вербовать рабочую силу именно на юге. Этот факт в особенности сильно повлияет на послевоенный ressentимент «сахалинских» корейцев. Именно

факт невозможности вернуться домой на юг заложил чувства исторической несправедливости в формировавшуюся идентичность «сахалинских» корейцев старшего поколения [5].

Международная обстановка и внешняя политика японского правительства оказывали значительное влияние на миграционные процессы на Карафуто. Начало большой войны в АТР в 1937 году вызвало необходимость контролировать трудовые ресурсы. Скоро после этого гражданское население империи, в том числе и корейцы, стало объектом принудительной мобилизации, и темпы этого процесса резко возросли. В 1939 были предприняты меры для предотвращения нелегальной миграции, то есть прямого запрета на свободное перемещение людей и закрепление их на одном промышленном или добывающем предприятии [1]. Всеобщая мобилизация закончилась лишь с окончанием войны. Один из современников вспоминал про свое прибытие на Карафуто: «Я приехал в 1943 г. по вербовке. Выбирали они, записывали всех на вербовку. Добирался сначала на пароходе, а потом поездом. На шахту в Красногорске. Работали по 12 часов без выходных, еду выдавали по талонам. Хочешь сразу съешь, хочешь – растягивай. Деньги не давали, на книжку клали. Убегать не пытались, если поймают, могут вообще за колючую проволоку посадить, там условия были гораздо хуже...» [П. Муж., 1925 г. р., п. Углезаводск, 20.12.2008] [1].

Ещё одно воспоминание передаётся с рассказа предков современных «сахалинских» корейцев: «Мой отец мне рассказывал, как они работали при японцах. Вот идет вагонетка с лесом, толпа корейцев – человек сто рабочих – они хватают по два-три бревна и надо бежать метров восемьсот до шахты. Потом обратно – и так сколько наберешь. Потом работали – сколько этих подпорок в шахте хватало, они их ставили и уголь рублили. Сколько у тебя подпорок, столько ты и продвинешься, столько уголь нарубишь – столько денег и давали. Были настоящие гонки, как они бежали с этими бревнами, кто больше нахватает. Некоторые рисковали, ставили не через два метра, а через четыре, через пять – а потом обвал, увечья получали, умирали, такое тоже бывало. Но японцы запрещали так делать... Денег давали половину на руки, половину на карточку шли. Отца сначала по вербовке забрали, насильно, он на Сахалине поработал, а через два года домой вернулся. Но деньги он потратил все, а он жениться хотел, надо на свадьбу было, поэтому он опять на Сахалин поехал, уже сам, денег заработать, а там война,

и вернуться не смог» [Д., муж., 1952 г. р., г. Южно-Сахалинск, 12.04.2009] [1].

После капитуляции Японии, корейцы, жившие на Южном Сахалине, попали в незавидную ситуацию. Не зная русского языка и не имея возможности ни получить советского гражданства ни вернуться на родину, в южные регионы Кореи, «сахалинские» корейцы насильно вынуждены были остаться на Сахалине. Проведённая в 1946 г. советской администрацией регистрация населения показала, что на тот момент на Сахалине насчитывалось 24 774 корейца. Обещанная репатриация задерживалась по нескольким причинам, одна из которых заключалась в нехватке рук на тех, предприятиях что занимали корейские кадры, и после репатриации останутся невосполнимы [3]. Проблема с дефицитом рабочей силы была в общем решена к началу 1950-х годов, но второй, заключительной причиной стала уже шедшая Корейская война, которая сделала репатриацию невозможной. Превратившись в большую проблему, вызвавшая бунт в городе Корсаков, а невозможность репатриации застыла в решения до окончания холодной войны и разрушения железного занавеса. Эта историческая несправедливость стала главной в формировании и самоидентификации современных «сахалинских» корейцев. Несостоявшиеся корейские репатрианты и их потомки составляют теперь ядро сахалинской корейской диаспоры [3].

Корейская диаспора на Сахалине пополнялась трудовыми мигрантами из КНДР по соглашению северокорейскими властями с СССР. В 1946-1949 гг. по трудовым договорам на Сахалин приехало 26 065 корейцев, а вернулись обратно в северную Корею 14 393 чел [2]. На Сахалине осталось около 11,5 тысяч корейских рабочих. Таким образом, сахалинская корейская диаспора была пополнена корейцами, которые с долей презрения «сахалинских» корейцев именовались «пхагеномдя» [2]. Корейцы, которые оказались на Сахалине во время японского правления, значительно отличались от корейцев, которые прибыли из северных провинций Кореи. Приезжие северяне говорили на другом диалекте, имели свои собственные бытовые обычаи и во многом противопоставляли себя присутствовавшим на острове южанам. Многие «сахалинские» корейцы говорят об этом, как личном опыте взаимоотношений с «северокорейцами», опираясь на воспоминания родителей: «Вы знаете, не очень любили северокорейцев тогда. Они ведь приезжали на время, пока у них трудовой договор не истечёт. Вели себя как временщики... Работали не очень хорошо, не берегли общественную собственность. Было видно, что приехали на

время, оставаться не будут, ну и отношение к ним было соответствующее» [2].

Многие «сахалинские» корейцы соглашались с тем, что отношения с «северокорейцами» были напряженными. У многих складывался антикоммунистический ресентимент, который вылился в неприятие советского гражданства, а в среде «сахалинских» корейцев северных с особым презрением звали пальгени (красный) [2]. Ещё одним фактором формирования такого мнения о северянах послужила их вербовочная деятельность через Генеральное Консульство КНДР в г. Находка. Они имели большое влияние на местную общину из-за чего многие уехали в КНДР, но спустя некоторое время наступило разочарование в реалиях и политике Северной Кореи. Спустя десятилетия, «северокорейцы» ассимилировались с выходцами из юга, что обуславливается достаточно небольшой численностью с севера (около 4 тыс. чел. на 1962 г.) [2].

Ещё одним эпизодом ресентимента «сахалинских» корейцев стоит считать их взаимоотношения с материковыми советскими корейцами (Корё-сарам). Советское правительство было чрезвычайно заинтересовано в интеграции «сахалинских» корейцев, которые на момент 1945 г. не владели знаниями русского языка, зачастую имевшие другие политические взгляды, вследствие чего отсутствие гражданства было серьезной социальной проблемой, существовавшей до самого развала СССР. Для ускоренной интеграции, была предпринята попытка привлечь насильно депортированных в Среднюю Азию корейцев, живших на Дальнем Востоке до 1937 г., на руководящие, пропагандистские, педагогические должности и на должности переводчиков [2;4]. Политика по итогу создала массу проблем. У многих «сахалинских» корейцев первого поколения воспоминания о корейцах с материка также были весьма негативными. «Материковских» воспринимали как привилегированных пришельцев, и это не делало их популярными. Корейцы с материка обладали советским гражданством, владели русским, а также большим социальным статусом, что несомненно повышало градус ресентимента. Это отражено в некоторых воспоминаниях: «Мы после войны поехали жить в Стародубское—там колхоз был. Материковские корейцы там были все руководители. Они нас замучили, терпеть их не мог я, этих кынтабеди. Они относились к нам, корейцам, как к собакам. Например, там поле было я капусту там убирал... там листья остаются – они даже не разрешали нам листья забирать. Ничего не давали нам. Потом мой отец – он соревновался с материковскими,

корову выиграл. Мы её вырастили, а потом отец захотел уехать в Южно-Сахалинск. Так они у нас всё отобрали – и корову тоже отобрали – тогда только в Южный мы смогли уехать. Сейчас я бы их всех съел...» [2].

«Они приезжали, чтоб нас корейскому языку учить – сами неграмотные были из Ташкента или ещё откуда. Мы сейчас понимаем, они учить не могли. Да и по-корейски говорили плохо, а их ещё и начальниками ставили – какой он там начальник, у него образования нет никого, а нами командовали. Потому что они коммунистами все были. Их вообще все ненавидели. С русскими отношения были нормальные, а с этими...» [2].

У «сахалинских» корейцев не было возможности проявить политическое или общественное недовольство, им не хватало политической субъектности из-за малой численности группы, которая на данный момент составляет 25 731 чел / 5,27% на 1 января 2024 г.[11], а также из-за небольшой дифференциации («сахалинские» корейцы разных поколений - сондомин, «северокорейцы» - пхагеномдя, материковые корейцы из Средней Азии - кхынтабэги), но в большей степени из-за серьезного ограничения прав меньшинств в Советском Союзе (прежде всего свободы передвижения и свободы слова). Лишь второе поколение «сахалинских» корейцев имели возможность получить гражданские права по праву рождения. В 1970 году, среди многотысячной корейской диаспоры на Сахалине, только 19 400 человек были гражданами СССР, в то время как количество лиц без гражданства сократилось до 7 700. По состоянию на 1989 год, количество лиц без гражданства составляло всего лишь 2 700, в то время как количество граждан СССР возросло до 32 200 человек (при практически неизменной численности диаспоры в целом) [3]. В результате, к 1989 году граждане СССР представляли примерно 92% от общего числа корейской диаспоры на Сахалине. Сначала многие корейцы на Сахалине не принимали советского гражданства в рамках гражданского протеста, выражавшего неприятие советских идей. Поспешное принятие в гражданство произошло не только в результате введения в действие «Закона о гражданстве СССР» в 1979 году, но и общее улучшение условий проживания по сравнению с периодом японской оккупации. Безусловно, этот закон исправил основную несправедливость в отношении сахалинских корейцев, рожденных на территории СССР - теперь они имели право на гражданство, согласно Всеобщей Декларации прав человека. Однако такое массовое принятие советского гражданства говорит о том, что ресентимент

относительно советской власти стал критически снижаться, но так или иначе – эти многочисленные трагические судьбы, связанные с исторической несправедливостью, останутся частью социально-культурной и этнической идентичности сахалинских корейцев [3].

Конечно, основную роль сыграла национальная политика СССР, трагически сказавшаяся на судьбах многих народов страны. Но с другой стороны, улучшение условий жизни так же оказывало влияние на улучшение восприятия советской власти.

После развала Советского Союза, многие «сахалинские» корейцы воспользовались «окном возможности», связанным с либерализацией России, в котором начала проявляться политическая субъектность корейской диаспоры на Сахалине. Макс Шелер, немецкий философ первой половины XX века, раскрыл идеи Ницше о ресентименте под политическим углом в книге «Ресентимент в структуре морали» [5]. Отмечается, что чем больше государство обладает рычагами давления и чем крупнее аппарат насилия, тем грубее отразится ресентимент правящего класса или иной группы, объединенной ресентиментом (во многом революцию 1917 года и Гражданскую войну в России можно воспринимать как массовый прорыв ресентимента, а также многие современные реакционные правительства с реваншистскими настроениями обладают глубоким ресентиментом) [5]. В большей степени благодаря современной культуре виктимности, в которой политическая борьба различных социальных и политических групп превращается в олимпиаду по тому, кто является большей жертвой, образуются политика по защите меньшинств, создающая позитивную дискриминацию, создающая ещё большее правовое и социальное неравенство [9].

Касательно «сахалинских» корейцев не всё было однозначно, их исторический ресентимент, заработанный абсолютно оправдано из-за тысяч поломанных судеб, отразился на международном признании со стороны не только новоиспеченного Российского правительства, но и правительств Японии и Республики Корея. В 2000 году началась масштабная репатриация «сахалинских» корейцев первого поколения (родившихся до 1945 г.), на тот момент уже стариков, отправившихся в Республику Корею. Она стала домом для 3500 репатриантов из России. Процесс репатриации финансировался средствами, предоставленными Красным Крестом Японии и Республики Корея, также предоставлялась бесплатная возможность посещать остров

Сахалин [3].

Поворачивая обратную сторону монеты ресентимента «сахалинских» корейцев, говоря о неоднозначности, социологические исследования 2014 года показывали, что ресентимент «сахалинских» корейцев остался в прошлом. Большинство опрошенных этнических корейцев идентифицировали Сахалин и Советский Союз как свою родину. Половина инженерно-технических работников и 90% студентов называли русский язык своим родным. Почти все опрошенные корейцы имели друзей других национальностей, и 76% отметили, что национальность не имеет значения для них при установлении дружеских отношений. Традиционное предпочтение однонациональным бракам среди корейцев было разрушено - 85% молодых людей уверены, что национальность не играет роли в вопросах брака [3].

«Сахалинские» корейцы в судьбоносный момент во многом отказались от ресентимента, как основы их идентификации, начав развиваться. Оставив обиды и отбросив ресентимент, обладающий разрушительной силой, корейская диаспора Сахалина, проявившая глубокую культурную мудрость, сошлась на том, что восстановить историческую справедливость невозможно, возможно только остановить новую несправедливость. Цивилизация начинается там, где есть понимание, что преступления, которые были совершены против людей, которых уже не существует и преступниками, которые останутся безнаказанными навсегда, невозможно компенсировать и невозможно исправить, даже прибегнув к агрессивным действиям сегодня. Предотвращение новой несправедливости – лучшее к чему стоит стремиться.

Список использованной литературы

- Дин, Ю. И. Миграция корейского этнического населения на Южный Сахалин в период японского правления (1905-1945 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, (4 (24)), 2013. С.34-42.
- Дин Ю. И. Корейская диаспора сахалинской области: конфликты групп и столкновения идентичностей. Россия и АТР, (4 (82)), 2013. С.5-14.
- Дин Ю. И. Корейцы Сахалина в поисках идентичности (1945-1989 гг.). Вестник РГТУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология, (6 (128)), 2014. С.237-249.
- Потапова Н.А. Корейская диаспора В СССР В 1930-е годы. Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение, (2 (135)), 2021. С.48-62.
- Шелер М. Ресентимент в структуре моралей // Пер. с нем. — СПб.: «Наука», «Университетская книга», 1999. 231 с.
- Черняк Н.А. Ницшевский ressentiment и восстание масс. Вестник Омского университета, 25 (2), 2020. С.51-55.
- Ницше Ф. К генеалогии морали. //Ницше Ф. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 424.
- The hidden history of identity politics // Spiked URL: <https://www.spiked-online.com/2017/12/01/the-hidden-history-of-identity-politics/> (дата обращения: 25.12.2023).
- The Rise of Victimhood Culture by Conor Friedersdorf // The Atlantic URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2015/09/the-rise-of-victimhood-culture/404794/> (дата обращения: 24.12.2023).
- Campbell, B., Manning, J. The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars. Switzerland: Springer International Publishing. Dower, 2018.
- John W. War Without Mercy: Race & Power in the Pacific War (1st ed.). New York: Pantheon Books, 1986 pp. 262–290. ISBN 039450030X.
- Население Сахалинской области // BDEX URL:<https://bdex.ru/naselenie/sahalinskaya-oblast/> (дата обращения: 12.01.2024).

Абстракт

Аннотация : Феномен ресентимента, раскрытый в данной статье, всё чаще проявляет себя как неотъемлемая часть современной общественной и международной политики. Чувство жертвы идёт неразрывно с политикой идентичности, ставшей доминирующей силой во всех развитых странах.

Статья отвечает на вопрос роли ресентимента в истории, а также о его трансформации в течение эпохи просвещения. Сегодня протестные проявления феминистических групп, политических левых и правых, «альтрайтов» и национальных меньшинств очень часто появляются на повестке дня. Есть лишь одна вещь, что может объединить все эти группы, и это чувство глубокой несправедливости и желание заработать политические очки, создав иерархическую цепь жертв посредством культуры виктимности, вызванной глубочайшим ресентиментом.

Автор статьи попытается раскрыть тему исторической несправедливости под новым углом. Ресентимент как двигатель политики встречается и в Восточной Азии, где он может проявляться, разделяя целый этнос на достаточно разноплановые общественные, политические и даже субэтнические формирования, что будет показано на примере субэтнической группы «сахалинских» корейцев.

Ключевые слова : ресентимент, корееведение, политика, сахалинские корейцы, психология, этнология, социология, история, международные отношения, Япония

본 논문은 2024년 4월 30일에 접수되어 2024년 5월 15일에 심사를 완료하고 5월 16일에 게재 확정되었습니다.

Неклюдов Егор (Neklyudov Yegor / Russia)

Владивостокский Государственный Университет (ВВГУ), 4 курс, Владивосток, Россия

Ким Александр Алексеевич (Alexander Kim / Russia)

Владивостокский Государственный университет